

Николай Ольков

Книга любви

Собрание сочинений. Том 10



Николай Максимович Ольков

Книга любви. Собрание сочинений. Том 10

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22815824

ISBN 9785448370489

Аннотация

Каждому случается влюбиться хоть раз в жизни. Эта книга составлена по настоянию моего старшего товарища профессора Ю. А. Мешкова, она ему и посвящена. Я так понимаю: если человек не умеет любить – он не интересен писателю. А если писатель не знает, что такое любовь, он не интересен никому.

Содержание

| | |
|-----------------------------------|----|
| Мое слово | 5 |
| Крутые Озерки | 7 |
| Предисловие издателя | 7 |
| Послесловие издателя | 61 |
| Черемухи цвет | 63 |
| Конец ознакомительного фрагмента. | 64 |

**Книга любви
Собрание
сочинений. Том 10
Николай Ольков**

© Николай Ольков, 2017

ISBN 978-5-4483-7048-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Мое слово

Как поставил заголовок «Книга любви», поначалу сам испугался, а не воспримет ли современный читатель, отвыкший от высоких идей и естественных чувств, не воспримет ли он книгу как очередное пошловатое пособие по любви в ее современном извращенном понимании. Потом одумался: да что же мы, в самом деле, святого чувства, которое дано испытать каждому нормальному человеку, стали остерегаться. От его имени творились такие картины, такие стихи и такие музыки, что и сегодня кровь стынет в жилах от той силы страстной, в них вложенной. Во имя этого чувства люди муки терпели не только сердечные, но и кровь свою по капле отпускали, слабеющим взором прощаясь с любимой. Любовь возвышала души простых смертных до высот небесных, и тогда их любовный подвиг записан был на скрижалях нашей веры, чтобы поколения православных имели перед собой пример и в венчании перед Богом обещали приблизиться к нему.

Многие поколения и многие ученые мужи подступались к этому чувству со своими мерилками, тысячи трактатов написаны, вот уже и химики вывели, якобы, формулу любви. А парню с девушкой на это наплевать, их влечет друг к другу неведомая им сила, и они благодарны ей, они поддаются тому приятному влечению, и робкие объятия, и нежный поце-

луй, и страстное запретное слово – через все пройдут, не ведая формул и ученых выводов. Никогда никому не удастся объяснить любовь, и это хорошо. Это, возможно, единственное в мире открытие, которое влюбленные пары делают сами изо дня в день, из века в век, не требуя гонораров за увиденный за открытием мир.

Редкий писатель сумеет обойти эту тему, обойтись без нее, скорей всего, нет таких писателей и нет книг без любви. Она разная, и это правильно. Не надо темнить, всякий пишет любовь, какую ему посчастливилось встретить. Она одна, но она многолика, и жизнь, и литература утверждают, что любовь всякой женщины иная, и мужчина, испытавший новизну чувства, навсегда запомнит ту, которая открыла ему эту маленькую тайну. Герои моих книг влюбчивы, страстны, ревнивы и жертвенны. Если человек не способен любить, он не интересен писателю, если писатель не умеет любить, он не интересен никому.

Николай Ольков

Крутые Озерки

Предисловие издателя

Перед вами грустная повесть о любви. Грустная не только потому, что ее героя и автора уже нет с нами. Повести о любви, согласитесь со мной, вообще редко бывают веселыми, если речь действительно о чувствах, а не кураж и не ерничанье на эту тему. Любовь по природе своей чувство тонкое и хрупкое, какая уж тут веселость. А тем более случилось это с человеком уже немолодым, в своей бурной, да простится мне так о покойном, сумасбродной жизни влюблявшемся часто и почти всегда имевшем успех, женившемся неоднократно, но так и не создавшем своей настоящей семьи.

Он был неужерим в моменты влюбленности, любил каждую женщину так, будто переживал первое и последнее чувство. Правда, оно скоро проходило, но он уверял, что не лгал, объясняясь в любви, потому что в ту минуту, да, действительно, любил эту женщину. У нас были по этому поводу серьезные разговоры, которые не имели результата. Мой товарищ высказывал мне сочувствия в связи с отсутствием способности влюбляться. Он только что не называл меня человеком ущербным. Себя, следовательно, считал счастливым.

Он действительно был счастлив во время бурных романов

с сестрами. Я приезжал к нему, и он находил способ показать мне предметы своего восторга. Скажу честно, что не разделял его оценок, девушки они симпатичные, но не красавицы, и, судя по исповеди друга, одна характер имеет тяжелый, а вторая поражена пороком, как бы попроще сказать, легкого поведения. Но любил и писал он, а не я, потому все осталось в повести, как было в тексте на переданной мне компьютерной дискете.

Его внезапную гибель никто не склонен связывать с романтикой и драмой последней любви, хотя я уверен, что ему дорого обошлись эти полгода напряжения души.

У нас давно не было напечатано ничего похожего. Нежность и благородство его ухаживаний за девушками, а я вынужден это признать, плохо вписываются в современную расхристанную жизнь, повязанную расчетом и пошлым прагматизмом. Я искренне уверен, что повесть эта будет прочтена и понята. Ее издание посвящаю памяти талантливого писателя и влюбчивого мужчины, моего товарища по судьбе.

* * *

В обширном и ухоженном дворе стандартного домика густо стояли простые деревенские запахи. Пахло свежим коровьим навозом, соляркой из проржавевшей канистры, дегтем от недавно смазанных колес поношенного ходка. Хозяин, молодой мужик, вышел из открытых сеней, поправляя только, что надетую рубаху. Был он невысок ростом, коренаст,

вроде как заспан или с похмелья. Меня узнал, когда-то, при социализме, работал по профсоюзной линии, и мы, видимо, встречались, назвал по имени—отчеству. Я похвалил себя, что предварительно спросил у проходящего мужика его имя, и тоже обратился по отчеству. Собственно, повод для встречи не требовал особой официальности, моя подружка, женщина незамужняя и крайне капризная, вдруг пожелала шашлыков, да не с придорожного мангала, а сделанных собственными руками. Я заехал в ближайшее к райцентру село и узнал, что Сергей Иванович может не только продать овечку, но и заколоть, обработать, как полагается.

– Здравствуйте. – Хозяин был рад гостю. Я тоже поздоровался, пожав потную, но крепкую руку Сергея. – Какие проблемы? Давно мы с вами не виделись.

– Давненько. – Честно говоря, я не помнил ни одной встречи, хотя симпатичное лицо этого сорокалетнего крепыша казалось знакомым. То, что он на вы, это немножко от прошлого, от моего райкомовского положения, немножко от разницы в возрасте, мне на десяток побольше. – А проблема одна, нужен барашек.

– Живьем? – переспросил Сергей.

– На шашлык, зачем мне живьем?

– Сделаем, но только вечером, когда табун придет. Овечки-то в табуне.

– Это когда?

– Часов в девять. Да час на работу.

Меня устраивал такой расклад, потому что теплое мясо быстро принимает специи и приправы, к утру можно нажигать угли для мангала. Договорились, что я приеду к десяти часам. Чуть было не забыл о цене.

– Как везде, две сотни. Не смутит?

Вечером я приехал чуть раньше, барашек еще висел на перекладине сарая, и Сергей с соседом, у которого я уточнял его имя, сосредоточенно снимали шкуру.

– Ты, кум, аккуратней, чтобы ворсинки не попали на мясо, весь вкус испортят, – не выпуская изо рта сигареты, подучивал Сергей. Рядом стояла молодая пышнотелая женщина, видимо, его жена, ее фигура была вызывающе красива для столь скромного двора, только сама она, впрочем, едва ли понимала, насколько она красива, и едва ли помнила о своих прелестях. Но более всего меня поразила девочка лет пятнадцати, которая стояла, прижавшись к матери, и была очень ранней ее копией. Простенькое платьишко не скрывало отсутствие каких-либо других одежд, что вполне нормально для такого возраста и теплого летнего вечера. Скорее всего, появление здесь постороннего мужчины было более неестественным, чем остренькие грудки, бесцеремонно выпирающие из ситца, и платье, при каждом движении заползающее наверх по крутым возвышениям сзади. Я понимал бестактность быстрых и вроде незаметных взглядов, но не мог запретить себе время от времени смотреть на нее. Девочка, как замороженная, наблюдала за действиями отца, превра-

тившего в куски мяса барашка, которого она, возможно, кормила из соски или пасла на соседней полянке. Она совсем не замечала меня, первопричину этого трагического для нее события.

Сергей аккуратно сложил разделанные куски на скамейке, я принес из машины большой пакет, взял только задние ляжки, рассчитался с хозяином, и под безразличными взглядами красавицы и ее дочери вышел со двора.

Темнело. Небо над деревенским озером набрякло влагой, и оттуда несло тихую прохладу. Сергей проводил меня до машины.

– Надо было все забрать, нехорошо получается: рассчитался за барана, а взял половину.

– Перестань, сочтемся, не в последний раз. Это жена твоя?

– Жена, кто же еще?

– Красивая она у тебя.

– Ну, ты наговоришь. Красивые на телевизоре, а у нас бабы.

– Нет, правда, Сергей Иванович, жена твоя редкой красоты, и дочка будет такая же, когда подрастет.

– Эта-то? Симпатюля, я и сам ее люблю, да их пятеро у меня.

– И все дочери?

– Нет, два парня.

Мы пожали друг другу руки, я сел в машину, и тихонько, чтобы не поднимать пыль, выехал из деревни.

Шашлык получился отменный. Я не беру уксус, который сушит мясо и крадет вкус, а пользуюсь яблочным соком и избыточным количеством крупного репчатого лука. В эту пору он как раз в соку, так что мясо дышало ароматами лета, возбуждающей силы и смотрелось, как салат из помидоров. Моя подруга осталась очень довольна тем вечером на берегу озера с сухим вином и шашлыками, но я ей не стал говорить о поразившей меня девочке, зная ее ревнивую и несколько злобную натуру.

* * *

Прошли шесть лет. Перемены, случившиеся в стране, крепко потрепали меня, выбросили из колеи привычной жизни, заставили торить новую тропу, а это непросто в таком возрасте. Да еще стал замечать недостаток того, что раньше ничем о себе не напоминало. Здоровье, которое в прежние годы разбрасывал горстями, пришлось собирать и сохранять ампулами и таблетками. В голове моей постоянно стоял шум, как от кузнечного горна, каким я заслушивался ребенком в деревенской кузнице хромого Остапа. Со временем горн стал все больше раздувать угли, и были моменты, когда я не находил покоя. Штатную работу пришлось оставить, но появились люди, достигшие в жизни почти всего, по крайней мере, им так казалось, потому что работа или, как теперь говорят, бизнес, приносит им хорошие деньги. Человек в таком состоянии становится капризным, ему кажется, что его персона незаслуженно обойдена общественным вниманием.

Ему очень хочется себя увековечить. И вот тут появляюсь я. За скромную плату пишу жизненный путь героя, тщательно обходя колеи и непролазную грязь биографии, а потом издаю скромным тиражом книжечки почти для личного пользования. Поскольку работаю добротню, очерки эти читаются легко и с интересом, коллеги по бизнесу говорят герою комплименты, а я получаю на жизнь.

За это время вошел в большие года, когда всякое упоминание об увлечении женщиной воспринимается знакомыми как бахвальство или шутка. Но или сказывается природа, или постоянная литературная работа требует творческой подзарядки – не знаю, только я увлекаюсь очень часто, порой отчаянно. Это становится иногда достоянием общественности, и относительный покой в моей семенной жизни обеспечивает только демонстрация моей последней женой полного безразличия к слухам и сплетням, основанная на не очень уважительном отношении ко мне самому. Подтверждением этого будет очень скорый отъезд ее к мамаше в областную столицу, что можно расценивать как развод, ибо мы жили гражданским браком.

У меня в то время еще не было компьютера, а я давно оценил своеобразную красоту и классическое совершенство листа, исписанного черной гелевой пастой, страницы получались красивые, старомодные, с оттенком архивности и документа. Но гель заканчивался быстро, и я довольно часто ходил в ближайший магазин, в котором стержни и ручки та-

кие были всегда. Выкладывал на прилавок несколько десятков, продавщица отсчитывала товар, и сделка заканчивалась. Я никогда не говорил с продавщицей, потому что чаще всего прибежал, прервав работу на самом, казалось, интересном месте, да она и не вызывала у меня никакого интереса.

Все началось, помнится, в тот день, когда я в перерывах между работой пытался растопить печку в своем старом крестьянском доме. Наступала осенняя сырость, а печь никак не хотела выпускать дым наружу, стремясь загнать его в тесное пространство избы. Жена ворчала, я бросал работу и шел разбираться. Только что я мог? Распсиховавшись, выбросил шипящие головешки на улицу, кое-как умылся и пошел в магазин, потому что последний стержень заканчивался, а работы было на весь вечер.

Около отдела письменных принадлежностей, как всегда, никого не было, попросил десяток стержней или ручек, продавщица оторвала от рулона закатанные в пластик изделия, подала мне и улыбнулась:

– У вас сажа на щеке.

Я не смутился, вынул платок и попросил ее убрать пятно. Она с улыбкой легонько вытерла мне щеку, а я, чувствуя ее случайные и беззастенчивые прикосновения, наверное, впервые смотрел в ее лицо, еще ничего не понимая, но, лихорадочно соображая, где мог его видеть раньше, не сейчас, а давно, как будто в другой жизни.

– Тебя как зовут?

– Варя.

– Редкое имя по нынешним временам, сейчас все больше Жанны да Виктории...

Она засмеялась удивительно детским беззаботным смехом:

– У меня младшая сестра как раз Вика, а мое имя в честь бабушки Варюши.

– Варюша? Можно, я так буду тебя называть? Нет, лучше Варенька. Согласна?

– Чудно! Так меня никто не зовет. Конечно, можно, только не при хозяйке, она нас ревнует к каждому мужчине.

– Ко мне нельзя ревновать, я очень старый.

– Я бы не сказала. Какой же вы старый? А теперь девушки предпочитают самостоятельных мужчин, потому что молодежь спилась и колется. Вы по совместительству с писательством еще и печи ложите? – со смехом спросила она.

Я тоже рассмеялся и рассказал о своих злоключениях. Мы говорили, а в душе у меня возникало смутное и радостное предчувствие встречи с приятным прошлым, знакомое чувство, но я терялся в догадках, к чему оно тут.

– У нас в деревне есть хороший печкур, дядя Миша, наш сосед. Вы его попросите, он сделает.

– В какой деревне? – спросил я, чувствуя, что уже не могу сдержать волнение, что есть объяснение моему предчувствию, и предположение мое правильное. Много позже вернулся к этому разговору и выделил из него новое слово

«печкур», на которое должен был обратить внимание сразу как пишущий человек. Только огромным волнением, вдруг охватившим меня, смог объяснить себе этот профессиональный промах.

– В Крутых Озерках. Хотите, вечером подъезжайте, заодно и меня довезете, чтоб не ждать автобуса, а я дом его покажу.

Сердце мое колотилось. Неужели это та самая девочка, что стояла тогда во дворе и наблюдала за работой отца, та маленькая точеная фигурка, закинутая бесцветным платьишком? Сколько времени тогда она преследовала меня, и только разум взрослого человека и, конечно, увлеченность очередной дамой удерживали от как будто случайной поездки в деревню к Сергею.

Дурацкие масхалаты, в которые частные предприниматели одели своих продавцов, сделали их безликими работниками прилавка, в них потерялись женщины. Девушка вообще была ни на что не похожа, мешкообразное платье—халат прятало тело, и только высокая грудь выдавала упругую силу молодости и мамину наследственность. Лицо – да, та же скуластость, тот же упрямый подбородок, острые глаза. Неужели это она?

Вечерняя встреча ничего не добавила к моим наблюдениям, девушка вышла из магазина в просторной куртке, потому что моросил дождь. Она села в машину, привычно откинувшись и притянув дверцу. Она молчала, я тоже не знал,

о чем говорить. Печная тема исчерпана еще днем, какую-либо другую я боялся шевелить. Да и она ли это? А если даже и она, что это меняет? Я все еще сомневался и боялся, что, окажись эта девушка не из тех воспоминаний, у меня пропадет к ней всякий интерес.

– Вот тут тормозните, – попросила она, собирая пакеты с продуктами. – А дядя Миша напротив живет.

Все сомнения кончились. Мы стояли у дома Сергея Ивановича, когда-то готовившего по моей просьбе барашка для шашлыка.

* * *

Печь и связанные с ней проблемы стали заботить меня гораздо больше, чем недописанная документальная повесть о большом человеке, за которую должен был получить приличный гонорар. Обговаривал с Мишей варианты ремонта печи без капитальной разборки, вечерами он работал, потом я увозил его, чтобы следом перехватить Варю. Уже на следующий день догнал ее на полдороге в деревню, и все это выглядело вполне пристойно, Мы болтали о пустяках, среди которых выпадали зерна довольно значительные.

– Все мужчины подлецы, – заметила девушка, и я немедленно уточнил:

– У тебя была возможность в этом убедиться?

– Да, – ничуть не смутившись, ответила она.

В другой раз Варенька поинтересовалась, чем я оправдываю свои вечерние поездки перед женой, ведь печка отре-

монтирована, о чем полупьяный печкур Миша доложил ей по дороге накануне. Я уклончиво ответил, что это мои проблемы, хотя большее значение все-таки имела ее забота о таких деталях.

Когда в очередной раз остановился рядом с только что закрытым магазином, девушка запрыгнула в машину, я вынужден был сказать, что поездку в Крутые Озерки попутной назвать у меня уже нет оснований, значит, признаю, что ехал специально за ней.

– Варя, у меня к тебе есть один очень серьезный вопрос. Можно?

– Конечно.

– Тебя не смущает мое появление каждый вечер? Уже нельзя делать вид, что это случайности. Говоря современным молодежным языком, я к тебе клеюсь.

– Похоже, – согласилась она.

– И тебя это не смущает? Ты же понимаешь, что я имею в виду разницу в возрасте. Узнают, будут над тобой подтрунивать...

– Почему вы решили, что кто-то может узнать? Я в машину сажусь в стороне от магазина, каждый раз там проходят разные люди. Никто ничего не узнает.

В тот раз разговор на этом и закончился, но меня не устраивала отведенная мне видимая роль ежедневного доставщика этой девушки с работы домой. Я чувствовал, что Варюша все опаснее входит в мою душу, хотя фактическую невоз-

возможность серьезных отношений с ровесницей своей старшей дочери отчетливо понимал.

Неожиданно и очень кстати жена собралась в гости к своей мамочке, и я охотно ее проводил. В тот же вечер предложил Варе поехать ко мне домой. Мне откровенно надоело пытаться проникнуть к ней через шубку, в которую одели ее наступившие холода, хотелось спокойного и более тесного общения.

– Не сегодня, – уклончиво ответила она.

– Когда же?

– Я подумаю.

Меня бесила и одновременно умиляла ее рассудительность. Такая девушка не может попасть в глупое положение, ее вывод о подлецах—мужчинах, скорее всего, родился в результате доверчивости от большого первого чувства. Я, наверное, не был красивым, но молодым точно, был, и хорошо помню девчонок, которых мне удалось увлечь, и только боязнь ответственности и не израсходованная совесть сдерживали в тех случаях, когда мои подружки уже теряли контроль над собой. Варенька моя влюбилась, видимо, в менее деликатного человечка...

– К вам в дом я не пойду ни за что.

Это было сказано уже следующим вечером. Быстро сообразил, что она не исключает встречи наедине, но только не у меня дома. Осторожно намекнул на возможность снятия квартиры.

– Вы же понимаете, что нельзя снимать квартиру здесь, где вас каждый знает, – ответила мне Варенька. Я был готов к подобному ответу и предложил найти квартиру в соседнем райцентре.

– Смотрите, поосторожней, у нас там родни много, чтобы мне к какой-нибудь двоюродной тетушке в гости не приехать.

Годы не изменили меня, хотя многому научили. Я искренне поверил; что этот вариант ею будет принят, и к концу следующего дня вернулся домой с ключами от уютной однокомнатной квартирki, вернулся поздно, магазин был уже закрыт, я поехал в сторону Крутых Озерков и догнал Варю на выходе из райцентра. Рядом с ней шел молодой человек. У меня упало сердце. Она никак не прореагировала на появление моей машины, хотя не узнать ее не могла. Сделав еще круг, я уехал домой. Ничего не клеилось, и работа валилась из рук. Умом все понимал, а сердце протестовало. Ревность это была элементарная или жалость к самому себе – не знаю. Ни на следующий вечер, ни потом не искал с ней встречи.

Надо сказать, что постоянное обращение к письменному слову несколько разучило меня толковой и грамотной устной речи после того, как ушел из властных структур, и необходимость излагать мысли вслух возникала все реже. К тому же я стеснялся Варюши, боялся обидеть неуместным словом, поэтому обращение к письму показалось мне единственно возможным способом сказать все.

«Догадываюсь, что эта моя записка будет для тебя неожиданной и странной, но мне проще изъясняться вот так, на бумаге, потому что возможности сказать тебе хотя бы часть того, что я хотел и готов был сказать, у меня просто не было. Я приглашал тебя поехать со мной в командировку, и уверяю, что там было много интересного, ты напрасно не поехала, если, конечно, не иметь в виду, что ты вообще никогда и никуда не собиралась со мной ехать. Ты не вышла и в то воскресенье, когда мы вечером вроде договорились поехать «в лес по ноябрьские грибы». Странно, но я не мог попросить у тебя каких-либо объяснений, потому что отношения наши настолько слабы и неустойчивы, что я боялся спугнуть их резкими вопросами и получить еще более резкие ответы.

Все равно благодарен тебе за несколько часов ожиданий, когда отвыкшее от эмоций сердце стучало чуть волнительнее, чем обычно, за несколько минут общения в машине, пусть самого пионерского, но для меня приятного и, думаю, полезного. Я не буду больше путаться под ногами, потому что у меня есть собственное самолюбие, которое не позволяет вытирать о мою душу ноги пусть даже очень красивой девушки. Я передам тебе эту записку лично, после прочтения, если, конечно, захочешь ее прочесть, записку уничтожь, ни тебе, ни мне не нужны пересуды на эту тему.

Будь счастлива».

Я был первым в это утро посетителем магазина, но ничего не купил, а положил на прилавок свернутый втрое листок

и вышел. Вечером не вытерпел, догнал Варю и максимально независимо, насколько позволяло самообладание, спросил:

– Почему сегодня одна?

– А с кем я должна быть?

Меня выбивают из колеи эти еврейские приемы отвечать вопросом на вопрос.

– Где же тот молодой человек, который вас провожал?

– Это мой одноклассник, он живет в конце улицы, дошел до дома и простился.

– И ты степью одна шла?

– А вы в это время в машине злились?

Нет, все-таки влюбленный мужчина глуповат, достаточно нескольких слов девушки, и он отринул все опасения и подозрения, облегченно вздохнул и уже готов нести всякую чушь, лишь бы загладить вину, хотя еще вилами по воде писано, что она сказала правду.

Я заходил иногда днем в магазин, чтобы получше ее рассмотреть, но мешали покупатели и эта ужасная униформа. Раза два застал у ее прилавка местного коммерсанта по кличке Чукча, сожителя Вариной хозяйки. Мне говорили, что он и к ней давно ищет подходы.

Вечером, в машине, освещенная отраженным светом приборной доски, одетая в модную шубку и хорошенькую шапочку, сидевшая гордо и независимо, ни разу не повернувшая лица в мою сторону, она казалась таинственной незнакомкой. В нем действительно было что-то от знаменитой ге-

роини картины Крамского. Я все более разжигал себя. Мне казалось, что внимание молодой и красивой девушки всколыхнет мою стареющую душу, обновит чувства, как обновляла в старые годы бурной весной застоявшиеся воды наших тихих омутов «большая вода», приходившая в наши низинные края с огромными глыбами льда, с обломками мостов, с подвижными зарослями кустарников и камышей.

Мне дорого даже то, что, подъехав к дому, она не спешила открывать дверь, мы говорили несколько минут, я пытался взять ее руку, она не была против, но я ни разу не почувствовал какого-либо движения, рука была теплой и неживой. Попытки тихонько обнять ее и привлечь к себе сводились на нет не столько объемной шубкой, сколько ее осторожными, но в то же время убедительными уклонениями.

Она всегда выходила из машины, сразу забирая пакеты, а в этот раз оставила их на полу и, выйдя, наклонилась в машину, чтобы забрать вещи. Ее лицо было впервые так близко к моему, я осторожно придержал ее головку и поцеловал в щеку. Меня больше всего поразило, что не было никакой реакции. Варя взяла пакеты и прикрыла дверь.

На следующий вечер к теме невинного поцелуя мы не возвращались. Повторить его мне не удалось. Неопределенность терзала меня.

– Ответ на простой вопрос, Варюша: я в качестве кого нахожусь рядом с тобой? Ты ведь знаешь, что очень нравишься мне.

– Не одному вам.

– И это правильно. Но я боюсь, что мое увлечение перерастает в чувство, хотя уже смирился, что такое со мной больше не случится. Кажется, ошибался. Поэтому я хочу знать, на что рассчитывать. Ты же не отвергаешь меня, правда?

– Вам этого мало?

– Варюша, я мужчина, хотя, конечно, справедливости ради следовало бы добавить: пожилой мужчина. И ты садишься ко мне в машину каждый вечер, хочу верить, тоже не просто так.

– Мне интересно с вами.

– И все?

– А что бы вы еще хотели?

– Я хочу нормальных отношений... Варя, квартиру я снял, небольшая, благоустроенная, чистенькая. Поедем, посмотрим.

– Никуда я не поеду. И квартиру вы сняли напрасно.

– Значит, завтра мне не приезжать?

– Как хотите.

– А ты как хочешь?

Более жуткой тишины не слышал, кажется, в своей жизни. Она вышла, как всегда, не сказав ни слова на прощание. Я развернул машину и рывком бросил ее на обледеневший и скользкий большак. Скорость была уже приличной, когда машину вдруг повело влево, я не сразу сообразил, в чем де-

ло, находясь все еще во власти горьких эмоций, резко повернул руль и, кажется, тормознул. Машину круто развернуло и закружило по дороге, впрочем, не очень широкой. Помню пару полных разворотов, потом несильный боковой удар и – тишина. Открываю дверь, машина вошла в кювет правой стороной, ничего не помяв. Потихоньку прихожу в себя и благодарю Бога за счастливый исход бездумного отношения к дороге. Самому выехать не удастся, придется ждать помощи.

Через полчаса остановилась легковушка, полная веселой молодежи. Я, с трудом держась на льду, подошел к водителю.

– Что же вы так неосторожно, только что прошел дождь.

– Я его не заметил.

– Чем я помогу?

– А вы не ушиблись, нет? Вы Варю привезли? – Матовый свет салонного плафона высвечивал девичье лицо. Я не считал нужным говорить о Варе и ответил, что был в деревне по своим делам. Девушка, тем не менее, оказалась сообразительнее парней: – Поедем в деревню, я дядюшку попрошу, он заведет грузовик.

Через час моя старенькая «восьмерка» стояла на середине дороги, я заплатил обоим водителям, девушка опять проявила обо мне заботу:

– Вы тихонько поезжайте, осторожней. Если вы Варю не привезли, то где она может быть, мы так и не нашли.

– Что-то случилось?

– Ничего. Хотели ее с работы забрать. Она сестра моя. А я Лена. А это двоюродный брат, из города приехал. Ну, счастливо.

Дома я ощутил какое-то странное чувство удивления, может быть, недоумения: родная сестра Варюши, моей недоτροги и красивой льдинки, безразличной и безучастной к моим делам и проблемам, но необъяснимо притягательной, не допускающей, но и не отпускающей меня. Понял, что дошел до края, надо принимать решение, а я не готов. Завтра снова поеду к ее магазину, хотя знаю, что наше общение ограничится коротким «здравствуйте» и, возможно, «до свидания». Не смогу не поехать.

А сестра ее совсем другая, интересуется, не ушибся ли... Странно. Я слышал о ней разное, но кто из молодых не погуливает, не пьет пиво и не трясется на дискотеках? В деревне молодежь предоставлена сама себе, и Лена – только часть потерянного поколения. Впрочем, многие сумеют выкрутиться, найти себя, устроить личную жизнь, но беда, если вино возьмет верх.

Прошло несколько дней. Каждый вечер, как приговоренный, я выезжал на знакомую улицу и каждый вечер видел девушку, деловито идущую в сторону дома. Ни разу она ничем не проявила интереса к проходящей мимо машине, а у меня не хватало смелости нажать на тормоза и открыть дверь. В очередной раз, вернувшись домой, написал Варе еще одно послание.

* * *

Когда Варюша на следующий вечер села в машину, я ждал вопроса о недавнем происшествии и уже приготовил рассказ с тонким намеком и на ее вину в случившемся. Ждал я напрасно. Она ни о чем не спросила. Ни одного слова не было сказано о письме, как будто она его не читала. Несколько вечеров мы ездили почти молча, нервная дрожь колотила меня, и сердце выпрыгивало.

Никогда до этого не видел многосерийных снов, хотя сновидения мучили меня еженощно. Теперь привиделась Варя, страстно влюбленная в меня, мы целовались принародно, и никто не обращал на нас внимания. После первого сна очнулся с головной болью, видимо, сознание не очень соглашалось с правдоподобием моих грез. Велико же было мое изумление, когда сон продолжился, мы с Варенькой катались на машине, собирали цветы в лугах моего детства, хотя она там ни разу не была, к тому же на дворе декабрь, и цветочные сны вообще в диво.

Потом это стало происходить каждую ночь. Я уже подумывал было поехать к знакомому невропатологу, понимая, что сны эти – не от хорошей жизни и добром не кончатся, но победило желание видеть ее в таких ситуациях, какие в жизни уже никогда не случатся. Странно, но мы не говорили во сне, просто она знала, что я хочу сказать, а я буквально слышал ее мысли. Обнимал ее и ласкал, как только умел,

как научился за тридцать лет практики, она была послушна и гибка, порой загадочна, иногда игрива. Она была, наверное, такой, какой хотел ее видеть.

В очередной раз она явилась мне с животом, расстегнула халатик, точно так, как это сделала моя первая жена, показывая будущего первенца. Я осторожно обнял ее за располневшую талию и прислонил ухо к животу. От услышанного членораздельного «Папа, это я» мне стало весело, я поцеловал ее в пупок, отчего она радостно взвизгнула. Любопытно, что и во сне остался верен своей подозрительности. Вдруг отчетливо вспомнил, что дальше снятия лифчика дело у нас не доходило, откуда мог взяться ребенок, так круто определивший меня как отца?

Чудеса стали происходить каждую ночь на фоне все усиливающейся головной боли. Я понимал, что воспаленный мозг дает сбой и выдает фантазии в угоду подсознательным желаниям своего хозяина. Сны уже раздражали и утомляли меня, потому что не имели ничего общего с действительностью.

Ребенок появился как-то вдруг. В какой-то квартире, очень напоминающей снятую мною для встреч с Варюшей, оказались ее родители, сестры и братья, и я тут же, но только чужой и никому не нужный. Когда родственники исчезли, она сказала мне, что будет жить здесь, а я останусь у себя дома, потому что, видите ли, нельзя разрушать семью. Речь явно шла о моей семье, хотя в реальности я опять был свобо-

ден. Ребенка мне так и не показали, но я украдкой заглянул в кроватку и увидел в ней маленького голого коммерсанта Чукчу, который ехидно улыбался мне, обнажая желтые гнилые зубы.

Потом начались сцены ревности, в которых Варя гневно обвиняла меня в связях с женщинами, происходившими еще до ее появления на свет. Сцены были очень реалистичные, потому что в архивах мозга остались сотни семейных ссор, и по эпизоду из каждой могли обеспечить меня повторной нервотрепкой на несколько ночей кряду. Я решил все это прекратить, и поехал в больницу.

– Ты все чудишь? – спросил мой давнишний друг—доктор. —Дорогой мой, пора перестать прыгать козликом, тебе шестой десяток.

– Что ты мне посоветуешь как врач, а не как брюзга? Что хорошего в том, что ты оброс внуками и лопухами на даче? Я живу, как могу, как требует моя душа. Мы с ней не хотим стариться.

– С этой молодухой у тебя действительно далеко зашло? —выслушав изложение моих ночных кошмаров, спросил доктор.

– В том смысле, который ты имеешь в виду, не зашло, я даже не могу поцеловать ее, как следует. А вообще – очень далеко, я от нее полностью зависим, не могу без нее жить, жду вечера, чтобы получить свою дозу наркотика. Теперь вижу, что все это мешает мне работать, лишает рассудка, но сде-

лать ничего не могу.

– Тебе нужен мой совет? Давай недельки две прокапаемся, почистим мозги, может, какая дурь и вымоется. Отдохнешь. А напоследок скажу вот что: заведи какую-то бабенку, чтобы твоя краля знала. Не всерьез, конечно, но ты же опять холостяк, так что никто не мешает. И напечатай в местной газете что-нибудь громкое, в депутаты изберись, короче, прославься. Помнишь, Пушкин сказал: «Чтоб именем моим твой слух был покорен всечасно». Поверь мне, она с ума сойдет от ревности, хотя, как ты считаешь, не любит тебя. Но такова женщина!

Мой доктор с литературным уклоном нагрузил меня процедурами, милые медсестры меняли одна другую с капельницами, шприцами, таблетками. Неделю я выдержал, потом попросил свои одежды, поблагодарил друга и поехал домой.

* * *

Из всего арсенала лечебных и профилактических средств, высказанного доктором, я твердо усвоил про альтернативную любовницу. Вся беда в том, что не было достойной фигуры. Все знакомые мне симпатии в тени Вареньки бледнели и терялись. С этими грустными мыслями я и явился к местам своих терзаний.

Хорошо попарившись в бане и побрившись, вошел в магазин с неисправимо виноватым видом. Варя не проявила ко мне никакого интереса. Выждав покупателей и оставшись один на один, спросил:

– Можно, я вечером встречу тебя?

– Можно, – односложно и бесстрастно ответила она. Дома долго обдумывал будущий разговор, но так ни до чего и не додумался, опять сел за компьютер и быстро изложил все, что меня волновало.

В машине она осталась верна своей манере поведения: тихое приветствие и молчание, лицо повернуто к стеклу дверцы, за которым ничего не видно.

– Ты ждешь кого-то?

– С чего вы взяли? Просто смотрю.

– Мы не виделись много дней. Тебе нечего мне сказать?

– Нечего.

Тогда я остановил машину, включил большой свет в салоне и положил перед ней свернутый лист. Она молча развернула его и стала читать. Это было еще одно письмо, выстраданное ночью и способное, по моему разумению, внести ясность в наши отношения. Варенька читала без видимого интереса, так читают сводку погоды или объявления о продаже, когда денег нет, а время девать некуда.

* * *

– Варя, готов тысячу раз повторить, как ты дорога мне, как важны эти минутки рядом с тобой. Но ты сама-то определись, наконец. Я не прошу любви, ее не будет, если не случилась сразу, да и грех мне рассчитывать на взаимность. Но ты можешь сказать, что будет завтра? Ты не говоришь «нет»,

тогда скажи решительно «да». Ты можешь?

– Не могу, – ответила она и вышла, не попрощавшись.

Я редко бываю в таком диком состоянии. Всю ночь просидел за столом, сочиняя ей грубые письма, но они всегда заканчивались признанием в любви и ожиданием примирения и взаимности. Под утро понял, что писать нет смысла, бумага никогда не была лучше прямого общения. Да и чего я хочу? Заставить молодую девушку хорошо относиться к мужчине, который старше ее отца? Глупости, невозможно добиться этого убеждением, но цепляюсь за соломинку, придаю слишком большое значение тому, что она не гонит меня, позволяет взять за руку и даже поцеловать щечку.

Вчера произошел интересный разговор. Я остановил машину, и прямо перед нами на чернильном небе оказался нарождающийся яркий серп.

– Посмотри, какая красивая луна.

– Это не луна.

– А что?

– Луна – когда круглая, а сейчас месяц. Мне бабушка Варюша говорила. В детстве.

Я был удивлен. Бабушка учила точности русского языка. Весь день писал на компьютере очередное повествование о передовом крестьянском хозяйстве и его руководителе, чтобы заработать тысячу долларов, привезя заказчику готовую книжечку из издательства. Вечером встретил Варю, она привычно и буднично поставила пакеты на пол и сдержан-

но поздоровалась. Варенька моя сильно изменилась, в начале она была проще, открытая вся, с улыбкой и дробненьким, почти детским смехом. Теперь в ней появилась грустинка, даже тоска в глазах, в голосе, в отрешенном виде. Я тоже молчал, выбирая момент для начала последнего, как решил, разговора. Молчание тяготило, о пустяках говорить не хотелось, о главном не мог насмелиться. Подъехали к дому. Сердце мое колотилось.

– Варюша, я хочу ясности. Когда же ты, наконец...

Она повернула ко мне свое лицо и спросила тихо и назидательно:

– Вам не надоело задавать один и тот же вопрос?

Да, давненько меня так сильно не били по физиономии. Не могу сказать, что в большой и неловкой жизни не получал от ворот поворот, что не бросали меня женщины мордой в грязь, что не рвал на себе волосы и не пил от досады водку. Было. И отказ такой девочки в другое время пережил бы легко. Но почему сейчас слезы обиды душат меня, и в голове злые мерзавчики опять разжигают горны, поджаривая мозги и лишая сознания? Кто она такая, эта простенькая, в общем-то, девчонка, что трепещу при ней и не могу внятно выразить надуманные за день мысли? Или удел всех мужчин, живущих эмоциями, заканчивать вот так бесславно? Что нашел в ней такого, от чего невозможно отказаться? Может, действительно придумал ее такую, какую мечтал встретить в жизни, да так и не встретил? И вот на излете реализовал

свой идеал в деревенской девчонке, ставшей в моих глазах олицетворением чистоты и красоты, хотя определенно понимал, что ни того, ни другого у нее не богато...

Не считаю себя всерьез просвещенным человеком, но когда-то увлекался философами и перечитал многое из того, что было доступно провинциалу, включая книги из областной библиотеки. Многие авторы рассуждали о любви, и все по-разному ее трактовали. В конце концов, пришел к выводу, что наука не может объяснить природу этого удивительного состояния человека, когда чувство влияет буквально на все – от аппетита до тяги к стихотворному творчеству напрочь лишенного таланта человека. Ученые мужи толкуют любовь в меру своего понимания и своего опыта, который, как мне казалось, был слабоват, и давал мало оснований для универсальных выводов и советов.

Зачем человеку дается любовь, которая приносит только страдания? Никто не знает ответа на этот вопрос...

Как часто мы ошибаемся в пустяках, неправильно выбрав время для разговора, не подумав о месте. Пока сочинял это назидательное поучение потертого поклонника молодой девушке, отказавшей ему в любезностях, Вареньку мою скорая помощь привезла в районную больницу. Ее младшая сестренка Вика доложила мне по телефону, что Варя «лежит в гинекологическом отделении под капельницами». Потому мой посланник не нашел ее, и на другой день к вечеру вер-

нул затасканный конверт.

Перед самым больничным отбоем, когда еще разрешены телефонные разговоры, все-таки позвонил в отделение, опасаясь быть узанным медсестрами, и попросил пригласить к телефону ее. Очень скоро она взяла трубку.

– Я не спрашиваю, что случилось, но, может быть, нужна помощь, лекарства, которых здесь нет?

– Ничего не нужно, спасибо, – неожиданно миролюбиво сказала она.

– Ты нашла не лучший способ отметить день рождения.

– Откуда вы знаете про мое день рождения?

Хотел поправить ее речь и сказать, что все про нее знаю, но воздержался. Приятно было, что ее хоть что-то заинтересовало.

– Варюша, не буду тебе звонить, но завтра в семь часов вечера выйди из отделения в коридор. Очень тебя прошу. Ровно в семь часов. Обещаешь?

– Я подумаю.

Господи, у нее поговорка такая или она действительно тщательно обдумывает все свои шаги, чтобы не сделать ошибки? Предполагать за простой деревенской девчонкой такой махровый прагматизм не хотелось, но другого объяснения не было.

Окрыленный, я хорошо поработал ночью и утром следующего дня, ближе к вечеру проехал все магазины и набрал большой пакет фруктов и сладостей. Отдельно в пакетиках

положил самые крупные груши и кисти спелых бананов, которые она любит.

Без пяти семь был у корпуса больницы, осторожно поднялся на второй этаж и встал у дверей. Ждал минут десять, и только потом дверь скрипнула, выпустив Варю и ее спутницу. Обе были в затрапезных больничных халатах, Варюша не причесана, копна рыжих волос явно не украшала ее.

– Зачем вы пришли? – неожиданно спросила она. Увиденное, да и услышанное ошарашили меня, я не узнавал в этой чернавке моей красавицы, мой идеал. Только вчера она дала мне надежду не словами, нет, а тем, как произнесла эти слова. Я уже научился различать оттенки ее настроения. Сегодня все надежды были обвалены одним вопросом.

– Пришел поздравить тебя. А это – подарок.

– Мне ничего не нужно.

– От подарков нехорошо отказываться, тем более, в день рождения.

Она нехотя взяла пакет, и под любопытным взглядом ее сопровождения я пошел вниз.

Кажется, наступило отрезвление. Образ загадочной и недостижимой красавицы, созданный моим воображением, безжалостно разрушен появлением на лестничной площадке серенькой болезненной девчонки с манерами той, которую так безнадежно любил. Я почти реально ощущал утрату своих иллюзий, душа металась, самое разумное – сесть и писать. Я записал все, что чувствовал в тот момент, и воспро-

извожу это письмо, адресованное Варя, но так ею и не прочитанное, потому что по трезвому осмыслению оно показалось мне очень резким. Вместе с предыдущим посланием оно лежит сейчас в папке, забытое и никому не нужное.

* * *

Сейчас, по прошествии времени, понимаю, что письмо это никак не отражает моих истинных чувств, оно только слепок с тогдашнего состояния, и лишь этим интересно.

Впрочем, прощания не получилось. В больнице узнал, что Варюша выписана, а моя новая знакомая Вика объяснила по телефону, что Варя на работе. Был последний день декабря, канун Нового года. Уже к обеду поднялся сильный мороз с северным ветром. Конечно, она пойдет домой пешком, промерзнет, может снова застудить свой недуг. Не будет ничего унижительного для меня, если в такой ситуации помогу девушке, хотя дал себе слово больше к ней не подходить. Зашел в магазин, сдержанно поздоровался и попросил подать самый красивый набор женской парфюмерии. Не знаю, зачем. Возможно, чтобы Варя подумала, что это для нее. Подала солидную коробку, я заплатил и ушел, так и не насмелившись спросить о вечерней встрече. Часа через два пришел снова и попросил еще одну такую же коробку. Варюша была явно заинтригована. Заметив искорку ее интереса, я спросил, есть ли у нее возможность уехать после работы домой. Она ответила, что нет.

– Тогда я могу довести.

Она только кивнула.

В соседнем магазине закупил большую сумку фруктов, конфет, тортов. Варенька привычно села на переднее сиденье, демонстративно быстро и без разговоров домчал ее до дома. С заднего сиденья достал пакет:

– Ты не имеешь права не взять, это не тебе, это твоей младшей сестренке, скажи, что дедушка Мороз, который часто говорит с ней по телефону, прислал. Она верит в сказки?

– Наверное.

– В отличие от сестры, которая ни во что не верит, – я с удовольствием воспользовался возможностью хоть чуточку отомстить. – С Новым годом тебя.

– И вас тоже с Новым годом.

– Спасибо. И будь счастлива.

Включил скорость и поехал домой, где никто не ждал и не было ничего новогоднего. Никого не хотелось видеть. Сидел в кресле, нажимая кнопки пульта, меняющие телевизионные каналы, но не надоевших исполнителей, вот уж десятилетие пичкающих простодырых русичей откровенной туфтой. Плюнул и выключил аппарат. Телефон позвал тихим гудением, я снял трубку.

– Это Лена, здравствуйте, с наступающим вас. И спасибо за подарок для Вики от деда Мороза. Чем вы занимаетесь?

– Ничем. Совершенно ничем.

– Ну, есть же кампания, где вы Новый год будете встре-

чать?

– Нет такой кампании.

– Что-то я в это не верю, такой мужчина, и один в такую ночь...

– Но это так. Вы же не пожертвуете новогодним вечером ради меня.

– Пожертвую. Вы пригласите.

Я даже испугался такой откровенности, но отступить было некуда.

– Приглашаю.

– Тогда я буду ждать около дома. Пойдите, а Варя?

– Не надо о ней, – многозначительно закрыл тему. – Выезжаю.

Честно признаюсь, что злорадствовал. Наступал тот момент, о котором говорил мой доктор: Варя узнает о нашей встрече, и едва ли это ее обрадует. Лена села в машину со смехом и необъяснимой пока радостью, вопреки моим опасениям, она была трезва, запаха спиртного не чувствовалось. Я опасался этого, потому что с молодых лет не воспринимаю пьяных женщин. Когда выпивал сам, проблем не было, когда отказался от вина, все мои женщины были трезвы, чему многие из них сами удивлялись: впервые первый раз с женщиной без вина. Мы постояли немного на обочине дороги, машин почти не было, и нам никто не мешал. Она не переставая щебетала, сняла шапку и шубку, в неярком свете салонного фонарика я видел ее лицо, очень похожее

на Варينو, но живое, эмоциональное. Ее полные губки откровенно манили, и я осторожно приблизился к ней, коснувшись сначала щеки, а потом губ. Она жадно отдалась поцелую, прижалась ко мне, и я чувствовал трепет ее плотного тела.

– Ты не поверишь, но я ждала тебя, – сказала она, глядя на меня полными слез глазами. – Ты не веришь?

– Какое это имеет значение, верю или нет. Мы с тобой свободные люди, решили провести вместе новогодний вечер, но думаю, что это будет новогодняя ночь. Ты не против?

– Нет, мне нравится с тобой, ты классно целуешься. А почему ты язык мой не пускаешь?

– Не привык. Раньше так не целовались. Хочешь, покажу тебе классический советский поцелуй?

Она засмеялась, почти как Варя. Лишь несколько часов назад я слышал ее смех, когда она отбирала подарки для Чукчи. Как раз в это время я вошел в магазин за вторым набором парфюмерии. Когда покупатель вышел, сухо заметил Варе, что очень ему признателен за возможность услышать ее смех. Она даже не стала возражать.

Я крепко обнял Лену, и так долго нежно и мягко терзал ее пухленькие губы, что она стала вырываться.

– Ну, ты, блин, даешь! Так за один поцелуй можно созреть. А почему советский?

Мы оба громко расхохотались.

Заехали в магазин на окраине поселка, я закупил все, что

в нем было вкусного, попросил бутылку шампанского. В доме включил свет, помог Лене раздеться и был приятно удивлен, как хорошо она сложена. Невысокого роста, с крепкой фигурой, высокая грудь чуть великовата, но соблазнительна, полные ножки в моих тапочках казались смешными. Она подошла ко мне, обвила шею руками и стала целовать осторожно и нежно. Хотел было взять ее на руки, как это и должно быть, но вовремя одумался, медленно переступая, мы продвигались к кровати. Она заметила это и засмеялась.

– Не так сразу. Ишь ты, какой! В первый вечер я в постель не ложусь, что бы тебе про меня ни говорили.

– А я про тебя ничего и не знаю, кроме того, что ты – сестра Варвары.

– Сильно ты на нее обиделся, раньше Варюшей да Варенькой звал. Я письма твои читала. Не удивляйся, не я одна, Варя их всем давала читать. Зря, конечно, если бы мне такие письма писали, целовала бы их и хранила на божничке.

– Хватит о ней. Поцелуй меня еще. У тебя это так мило получается.

– Потому что ты хороший, я это по письмам поняла. – Она вновь стала целовать меня в губы, в щеки, в шею. Мы сели на кровать, продолжая поцелуи, я расстегнул ее блузку, она быстро скинула ее с плеч, груди легко выпали из весьма условных чашечек и окончательно свели меня с ума. Когда под моими неловкими руками с юбки слетел первый крючок, она остановила меня, выключила свет и шепнула:

– А ты разве не будешь раздеваться?

Я давно не испытывал такой страсти. Молодое упругое тело дразнило и звало, жалобные и призывные стоны девушки увлекали в бешеный и благостный ритм страсти, пока она не выгнулась и не остановила меня, охватив руками. Я послушно затих. Она еще минуту лежала с закрытыми глазами, потом улыбнулась, засмеялась и сказала, что готова продолжить, чтобы и я получил столько же счастья.

– Ты плохо про меня думаешь? – спросила Лена.

– Я думаю про тебя хорошо.

– Ты не считаешь меня шлюхой за то, что в первый вечер легла с тобой?

– Заметь, со мной – в этом нет ничего плохого.

– А других у меня нет, и теперь не будет, – беззаботно пообещала она.

Хотя я всякий раз одергивал Лену, что разговоры о Варюше неуместны, все, что она успевала сказать, было мне интересно. Представлял с ее рассказов, как Варя по утрам долго сидит на кровати, медленно просыпаясь, потом лениво умывается, приводит себя в порядок и бодро идет на работу. Она не любит готовить и вообще кухню. Засыпает сразу, но спит беспокойно, иногда что-то бормочет во сне, но Лена ни разу не разобрала, что. У Вари, оказывается, было два романа с женатыми мужчинами и, соответственно, два объяснения с их женами, которые она выдержала мужественно и проводила незадачливых жен чуть не с позором.

– Варю направляют в городскую больницу, автобусом ей за день не успеть, – сообщила поздним вечером Лена, уже собираясь домой.

– Я свожу ее.

– Правда? Ты знаешь, я ей предложила тебя попросить, она запретила, говорит, так жестоко с ним поступила, он не простит. Я бы, говорит, на его месте не простила.

– Глупости все это. Уточни, когда ей нужно ехать, чтобы я мог спланировать.

– Да хоть завтра, ей в любой день.

Всю дорогу, и туда, и обратно, я молчал, сестры, сидя на заднем сидении, тихо переговаривались. Судя по их невеселому виду на обратном пути, диагностика ничего хорошего Варюше не пообещала. Украдкой смотрел на них в зеркало, они сильно похожи и очень разные. Варя серьезна и сосредоточена, она как бы всегда готова к защите, не замкнута, но и открытой не назовешь. Лена легкомысленна, и по жизни идет тоже легко, не глупа и остра на язык.

Когда приехали к дому, Варя вышла, а Лена осталась в машине, отчего мне стало не по себе. Она перескочила на переднее сиденье, обняла и поцеловала советским поцелуем, который неплохо освоила.

– Мы едем к тебе? – как бы вскользь спросила она.

– Сегодня нет, я очень устал. – Мне не хотелось говорить. – Тебя Варя опять разбередила? Понятно!

– Перестань. Работал ночью и недоспал.

Она нехотя открыла дверцу.

– Завтра мне позвонишь?

– Позвоню.

Я тронул машину.

Лена была права в своем предположении, что на мое настроение повлияло присутствие Вари. Мы не виделись двадцать дней, все это время Лена уводила от дурных мыслей, затушевывала терзавший меня образ. Но я плохой психолог, если не видел, что в Ленке мне нравилась частичка ее родной сестры, все то, что едва уловимыми намеками напоминало о ней. Понимал, что не получится заменить одну другой. Ко всем прежним чувствам прибавилась жалость. Меня не посвящали в тонкости, но я видел, что Варюша очень боится повторной проверки. Стояли сильные морозы, а Варя ходит с работы пешком, потому что последний автобус отправляется за час до закрытия магазина. Решил вечерами увозить ее, ничего с моим самолюбием не случится.

Перед обедом позвонил Лене, но младшая сестренка ответила, что ее нет дома.

– А вы Вика?

– Да, – важно ответила она. Девчонке двенадцать лет, хочется быть солидной, к тому же Лена говорила, что сестричка узнает меня по голосу.

– Как же мне найти Лену?

– А вам ее не найти, она вчера еще уехала с друзьями.

– Куда?

– Не знаю, она мне не докладывается. Гулять, наверно.

Такого я не ожидал. Зная о ее залихватском образе жизни и страстной, неудержимой натуре, в первый вечер попросил ее не пить и не встречаться со своими вчерашними друзьями, если она хочет быть со мной. Помню, что она прореагировала так, как я этого хотел.

– Мне никто не нужен, кроме тебя. Мне с тобой классно!

– Не надо преувеличивать. Но просьба моя очень серьезна.

– Да я не преувеличиваю! – Она обняла и обдала серией ничего не значащих поцелуйчиков. – Прикинь, у меня оргазма никогда не было, а с тобой я млею.

Было неловко от очевидной неправды и явной лести, хотя в постели она всегда выглядела удовлетворенной, а, может, просто делала вид.

Вечером выехал навстречу идущей домой Варюше, остановился и приоткрыл дверь. Она села и тихо поздоровалась.

– Что нового в вашей молодой и цветущей жизни? – спросил нарочито бодренько.

– Ничего, – так же тихо ответила она.

– Лена сегодня не ночевала дома?

– Откуда вы знаете? Она меня обвинит, что ее сдала.

– Разве дело в том, кто сказал? Она часто так теряется?

– Постоянно. Когда с вами стала встречаться, пить пере-

стала, все время дома. Мама ее разговорила, она все рассказала про вас, даже что вы... ну, спите. Мама сказала, что это ее дело, а хорошо хоть то, что она не бичует.

Мне стоило большого труда сдержаться от удивления, насколько я стал своим в этой семье.

– Ты правда не знаешь, куда она уехала?

– К подружке в город, она за ней и приезжала со своим кавалером.

– Я завтра там буду. У тебя есть какие-нибудь координаты этой подружки?

– Больно мне надо.

– Ладно. Даже если я уеду, к вечеру вернусь, заберу тебя.

Ты не возражаешь?

– Да нет, не возражаю.

И так она сказала это – со значением, что ли, или показалось мне, но около дома спросила:

– Если Лена дома, сказать ей, чтоб позвонила?

Я кивнул.

Звонок прозвучал через час. Варя сказала, что звонила Лена из города, спрашивала, не искал ли я, и попросила убедить меня, что она у больной тети в соседнем районе.

– Я сказала, что не видела вас, и что вы не звонили, но по определителю записала городской телефон. Вам надо?

В городе по телефону нашел Лену, предложил выйти, если хочет поехать домой. Она села в машину припухшая и нетрезвая, несказанно обрадовалась моему появлению, пы-

талась поцеловать. Я знаю истинную цену полупьяных ласк и попросил ее сидеть спокойно. Лена плакалась, что она несчастна, что я ее не люблю, уже две недели не приглашал.

По жизни мне крайне неприятны две вещи: бродячие собаки и пьяные женщины, никогда не знаешь, что они выкинут. Пьяную Лену я не воспринимал. Она нравилась мне и умела создавать хорошее настроение, когда мы оставались вдвоем. Никогда не ставлю своим женщинам условий, потому что они всегда найдут способ объяснить или скрыть их нарушения. Вот и с Леной вел себя, как всегда, попросив ее не пить, пьянство может быть причиной прекращения наших отношений. Не стал напоминать поговорку, что у пьяной бабы все чужое, она это знала получше меня.

– Мы едем к тебе?

– Ты едешь домой.

– А, ты меня уже не любишь, ты опять за Варюшей своей ухаживаешь. Давай, давай... Сестричка тебя еще обует. Значит, ты меня бросаешь?

Машину остановил перед самой деревней. Подумалось, что здесь надо памятный знак поставить, и с Варей, и с Леной всякий раз, подвозя их домой, притормаживаю тут.

– Лена, я умею прощать, тем более, что ты свободная девушка, никто не вправе от тебя требовать верности. Но мы не будем встречаться, пока ты пьешь.

– Хочешь, завтра же брошу, лечиться поеду, хочешь? Я же

могу не пить.

– Пока вижу только, что можешь пить, у тебя сил нет бросить. Как жить дальше – сама решай. Лена, ты же красивая, здоровая девка, тебе замуж надо, детей рожать, работать, а ты... ты же на шее у родителей сидишь, на сигареты стреляешь. Успокойся, я не упрекаю... Ты нравишься мне, ты помогла пережить..., ну, понимаешь, что. Я тебе очень признателен, и никогда бы не отказался от тебя...

Чуть было не сказал, что она со мной женщина, а не чопорная девица, как сестра, которую, не знаю, почему, боготворю, хотя надежд никаких и ни на что...

– Потому давай договоримся: приходи в себя и определийся, в нетрезвом виде не звони и встреч не ищи. И последнее: Варю оставь в покое, она тебе дорогу не перебежала.

Лена пыталась было обнять, я осторожно отвел ее руки. Грустное расставание...

Варю догнал уже на полдороге к дому, включил свет в салоне. Она разместила свои пакеты и облегченно вздохнула, откинувшись в кресле. Морозец разукрасил ее лицо, легким куржаком окаймил его, отбелив ворсинки шапки и воротника. Я смотрел на нее, как смотрю на картины и скульптуры в редких теперь музейных бываниях. Она заметила мой взгляд, но не смутилась, достойно отвела глаза. Едва ли она избалована подобным вниманием, но откуда эти гордые повадки, эта независимость и недоступность?

– Вы помните, говорили, что свозите меня на повторное

обследование? В конце недели мне надо ехать.

– Надо – значит, поедem.

– А Лена? Она ведь тоже хотела...

– Лена не поедет. Я не хочу.

Рано утром Варя ждала меня одна, мы выбрались на трассу в сторону города. Асфальт покрыт тонким слоем мягкого снега, местами прикатанного в лед, я ехал тихо и осторожно.

– Вы больше не гоняете так, как тогда? – спросила Варя.

– Когда? – Конечно, мне не удалось разыграть забывчивость, и это развеселило мою спутницу. Она заметно изменилась за последнее время, особенно после крутого моего разговора с Леной, который та, конечно, пересказала. Наверное, Вареньку успокоило мое нейтральное поведение, я не говорил о своих чувствах, не лез с претензиями, ни о чем не просил. Она стала свободнее в обращении, рассказывала о событиях на работе, о ревностях хозяйки, в которых фигурировало и мое имя.

– И как только она догадалась? – искренне возмутилась Варя. Ах, молодость, нельзя же так подставляться! Конечно, я воспользовался ее оплошностью:

– О чем догадалась?

Варя заметила промах, но было уже поздно. Она достойно вышла из замешательства:

– Что мы с вами встречаемся. Она так и сказала.

– Вот видишь, про нас уже легенды слагают, а мы все еще на «вы».

Как всегда, Варя мудро промолчала.

Повторное обследование она прошла быстро и прибежала из клиники возбужденная и счастливая. Я сидел в машине, мелкий нервный озноб усиливался с каждым часом, после разговора с нашим гинекологом я слишком хорошо знал, чем может обернуться безобидное новообразование на внутреннем органе. К счастью, ничего не подтвердилось. Предложил ей поехать в соседний район, где у меня было дело на полчаса. Она с готовностью согласилась, сняла шубку и осталась в тоненьком свитере, так откровенно облегавшем фигуру, что я боялся смотреть в ее сторону. Несколько раз она перехватывала мои робкие взгляды, и мне почудилось удовлетворение в ее улыбке.

– Варюша, я должен в ближайшие дни съездить на родину, на могилы родителей моих, давно не был, душа требует. Поедешь ли со мной?

– Поеду. У меня выходной послезавтра. Подходит? Только отоспаться должна, а потом еще от Ленки. уйти, она ведь не отстанет, если узнает.

– Об этом мы завтра договоримся, хорошо?

Перед будущим знаком у деревни остановил машину. Варя устало откинулась в кресле и с улыбкой смотрела на меня. Темнело. Мне не хотелось ее отпускать, но утром ей на работу. Я боялся пошевелиться, потому что за весь последний месяц даже руки не касался, а сейчас мучительно сдерживал желание поцеловать тоненькие нервные губки. Понял, что

просто так не отпущу ее, да и она, я чувствовал, ждала чего-то.

– Варюша, можно, я поцелую тебя за праздничный сегодняшний день?

– Можно, если вам от этого легче станет.

Господи, зачем она это сказала?! Что за язык такой, способный в самое неподходящее время все испортить?! Я мгновенно отрезвел, решительность улетучилась, осталась горечь. Мужчины, действительно, не плачут, они огорчаются.

– Я, Варя, не милостыню прошу.

– Ну вот, опять вы себя загружаете.

Это точно было приглашение к продолжению темы, и надо было говорить, говорить и целовать ее, она готова, я определенно знал, видел, чувствовал. Но уже заклинило, разыгрались больные фантазии, и я рванул машину, шипованные колеса резали прикатанный снег, в этот яростный рев двигателя и стремительный бросок вложил свой протест, свое возмущение, и она уже знала, почему так делаю.

Когда подъехали к дому, она задержалась на мгновение, и я неуклюже попытался привлечь ее к себе, но дверь была уже открыта, и Варя вышла, не попрощавшись.

Как же противен я себе был в этот вечер! Тоже мне, Дон Жуан перезрелый, ослеплен девчонкой, и даже не в состоянии понять, что неприятен ей. Этот вывод крепко засел в сознании и сверлил мозг до тупой боли в затылке.

Ночь была страшной. Я опять боялся умереть, впервые после периода системных пьянок, когда возвращение в жизнь всякий раз по трудности было сродни новому рождению, и еще не известно, будет ли оно успешным. Мне снились мои родители. Как в кинохронике, еще раз просмотрел их похороны, незатейливые и грустные. Эти картины приходили ко мне регулярно, уже знал, что в конце кто-то из моих стариков позовет меня. Говорят, это плохая примета, но я жил с этими видениями уже два десятка лет.

Неожиданно поймал себя на том, что со стороны смотрю уже на собственные похороны, с горечью отмечая, что плачущих по мне совсем нет. Само собой сложилось четверостишие: схороните легко и просто, без оркестров и без речей, только тихой печали простынь, только несколько тонких свечей... С трудом отвлекся от невеселых мыслей и попытался подремать.

Очнувшись после очередного кошмара, понял, что больше не уснуть, выпил кофе и сел за стол. Прямо с экрана монитора прочел все, что написал за время странных отношений с моими девочками. В ноющее мое сердце вошла теплота, увидел себя счастливым, потому что с первой до последней встречи с Варюшей был другим человеком. Не тем биологическим существом, которое до этого много лет бесстрастно переносило на бумагу чьи-то рассказы о трудовых победах, жевало вареную колбасу и глотало снотворное, чтобы хоть сколько-нибудь отдохнуть. Я опять стал мужчиной,

у которого появилась цель, который началом дня считал не подъем и восход солнца, а время закрытия магазина, когда из него выходит маленькая девочка в короткой шубке и маномаховской шапке. Сердце мое замирало, как в былые годы, я не признавал себя пятидесятилетним и не стыдился своего чувства.

Да, ни разу не проявил настойчивости и активности, и она могла расценить это как инфантильность. Но я рассказал ей, как один мой знакомый стучался к женщине в квартиру и убеждал, что он ее не тронет. Та резонно ответила, что в таком разе ему и открывать незачем. Она смеялась, но не могла не запомнить моих слов, что я таких обещаний не даю, хотя ничего не сделаю без ее согласия.

Вечером мы медленно и долго ехали в Крутые Озерки молча, потом Варя, вопреки обыкновению, заговорила первой:

– Выходной у меня отменили, буду работать, так что поездка наша в это воскресенье не состоится... Почему вы молчите?

– Довольно того, что вчера наговорил много лишнего.

– Я не помню ничего лишнего.

– Очень хотелось бы верить, но поцелуй так и не состоялся.

– Вы ждали, что я от первого предложения на шею брошусь?

– Надо было предложить еще раз?

– Нет, просто время еще не подошло.

– Варюша, время проходит, мое время, а ты полгода держишь меня на поводке. Прости, но вчера у меня появилось опасение, что я тебе... ну, неприятен, что ли.

– Господи, что вы себе нагоняете! Будь так, я бы ни минуты с вами не осталась, а я жалею, что в воскресенье не встретимся.

– Хорошо. Тогда давай встретимся в субботу. Все равно в машине сидим по часу, лучше это время провести в тепле. Ты очень устала, мне просто жалко тебя. Я приготовлю стол, вина хорошего. Отдохнешь, расслабишься, выпьешь рюмку хорошего вина.

Она засмеялась дробненько, отчего сердце мое заняло редкой и счастливой болью.

– Только рюмку, не больше.

– Неужели ты согласна?

– Но я же сказала.

Ни я, ни она не уточняли, но оба понимали, что именно мой дом подразумевается местом субботней встречи.

Договорились, что в половине седьмого она позвонит мне, чтобы убедиться, что вернулся из командировки. Уже не раз пострадавший от несостоявшихся телефонных звонков, вновь опрометчиво доверил себя случаю, и был наказан.

Утром в пятницу поехал в город, это и была моя командировка, в лучшем магазине закупил фрукты, торт, коробку конфет, бутылку дорогого вина. Не думалось о день-

гах (правда, они у меня оказались), хотелось сделать вечер необычным и приятным для нее. Дома разложил все на столе, натюрморт получился заманчивый, она будет удивлена.

Вечером не дождался оговоренного накануне звонка, поехал к магазину ровно в семь, свет в окнах уже не горел. Проехал до ее дома, опять вернулся, – Вари нигде не было. Дома напрасно ждал от нее звонка.

* * *

Лена говорила мне, что все рассказывает Варю, даже подробности наших вечерних игр. Скрытная Варя ни разу не намекнула о своей осведомленности. Сестре она никаких суждений обо мне не высказывала, в связи со мной не упрекала. Лена время от времени возмущалась, что я подолгу задерживаюсь с Варей по дороге домой, ей приходится ждать на морозе. Странно, что я не придавал значения мирному сосуществованию сестер, встречающихся со мной почти по-сменно, правда, уровень встреч разный, но все равно...

Я отчетливо понимал, что Лена не заменит мне Вареньку никогда, что только тяну время, наслаждаясь почти забытыми ласками молодой и здоровой девушки. Это не благородно, но мужское существо не могло отказаться от радости таких встреч.

Сегодня надо уладить наши с Варюшей отношения после случившегося недоразумения. Двух моих вечерних неявок ей достаточно, чтобы вспомнить о моем существовании. Так

мне казалось. Или хотелось...

С первого взгляда понял, что Варя не чувствует никакой вины в случившемся и не жалеет о несостоявшейся встрече. Удивительная похожесть сестер: после событий чрезвычайных, на мой взгляд, делать вид, что ничего не случилось. Она была даже веселее, чем обычно по вечерам после трудного дня за прилавком.

– Варя, ты помнишь, в городской поездке я сказал о своем ощущении, что это наша последняя встреча?

– Я слышала.

– Но не придала значения? Напрасно, это была не мистика. Есть такое наблюдение: раз, два произошло нечто – могут быть случайности, но когда три и четыре – система. У нас с тобой, как только улучшаются отношения, и дело идет к совместной поездке или даже встрече наедине, что-нибудь вмешивается. Помнишь, один раз телефон как будто не работал, ты не могла до меня дозвониться. Потом у тебя дома возникли проблемы, Лена пригрозила, что, если поедешь со мной, она скандал устроит. В этот раз хозяйка магазина позаботилась некстати, решила тебя до дома довести, потому что мороз, и ты не нашла возможности отказаться от ее несвоевременных услуг.

– Все так и было! Она не отпустила меня к телефону!

– Но ты из дома могла позвонить мне, сказать, что все нормально, завтрашняя встреча не отменяется?

– Могла. Но я не додумалась...

– Потому что не думала. Тебе в голову не пришло, что я могу потерять тебя, искать. Я звонил в больницу, домой тебе, но после первого сигнала нажимал на рычаг. Что я мог спросить, если не ты снимешь трубку? Я не спал всю ночь, утром подключил машину к обогреву, мороз за тридцать, в половине седьмого был у твоего дома. В семь ты вышла, живая, здоровая. Развернул машину и поехал домой.

– Я видела машину, но не подумала, что это вы.

– У тебя на примете есть еще один такой сумасшедший?

Она засмеялась, и смех этот звучал признанием, обещанием и радостью. Или мне хотелось его таким слышать? Я почему-то подумал, что самое время поговорить о наших отношениях, она опять была открытой, доступной и какой-то домашней. Чего еще ждать?

– Варюша, в прошлый раз, когда я пролетел с поцелуем, у меня появилось опасение, что я тебе не только не симпатичен, но даже неприятен. Мы уже говорили об этом, и ты отвергла мои предположения, сказала, что все иначе, по-другому. Правда, не уточнила, как по-другому, а я постеснялся спросить. Если это так, тогда есть предложение: Варенька, посмотри на нас со стороны, любопытную увидишь картину. Мы полгода в одной машине, и ничего не происходит! Что нас объединяет? Со мной все ясно, я люблю тебя. А ты почему садишься в мою машину? Неужели только потому, что другая не ездит в твою деревню? Если все по-другому, как ты утверждаешь, то почему я до сих пор не могу даже поцело-

вать тебя, хотя боготворю, обожаю, люблю до сумасшествия?

Она слушала напряженно и молча. Я ожидал подобной реакции, потому спросил:

– Такой трудный вопрос?

– Да, я не знаю ответа.

– Это неправда. Тогда задам наводящий, как в школе на уроке. Что у нас будет дальше? Вот так и будем сидеть в салоне на разных креслах, слегка соприкоснувшись рукавами?»

– А как вы хотите?

– Варя, ты ведь взрослая девушка, а ведешь себя, как ребенок. Я хочу, чтобы рядом была любимая женщина, а не пассажирка случайная. Обнимать, целовать тебя хочу.

Она сказала сухо:

– Поцелуев не будет.

– Это твое последнее слово?

– Да.

На душе моей стало вдруг удивительно спокойно.

– Варюша, мне трудно продолжать общение с тобой таким платоническим образом, не дорос я до высокого совершенства личности. Видеть рядом красивую девушку и не иметь права обнять ее? Это кара, наказание, я не могу так. Мы больше не будем встречаться. Ты меня понимаешь?

– Понимаю.

– Скажи, ты заметишь мое отсутствие?

– Не знаю.

– Значит, завтра я не подъезжаю?

– Как хотите.

– Я так и знал! Нет ничего проще переложить на другого принятие решения, потом можно оправдаться, что ты не сказала «да» или «нет».

Она сидела молча и безучастно, происходящее не очень ее интересовало. Я тронул машину, время от времени поглядывая на высвеченный уличными фонарями ее четкий профиль. Едва ли она заметила, что прощаюсь с ней. Остановившись рядом с домом, включил фонарь в салоне. Она не спешила уходить. Обида, досада и полнейшая безнадега овладели мною. Не хотел ничего говорить, но против воли своей выдохнул:

– Господи, как же я люблю тебя!

Варя вышла из машины и оставила дверь открытой. Поехал тихо, чтобы не наломать дров, дверца, покачиваясь, захлопнулась, оставив по ту сторону мои мечты и надежды.

* * *

Удар случился со мной ночью. Я дополз до телефона и позвонил в «скорую помощь». Знакомая фельдшерица крикнула в трубку, что сейчас приедет. Больше ничего не помню. Говорят, вызывали по рации милицию и застрелили моего бедного пса. Он никого не пускал во двор. Двери я никогда не закрываю на запоры. А то бы еще сколько времени потеряли. Лечили меня больше месяца. Приезжали доктора из области. Сказали, что буду жить. Но я знаю, что не буду.

Соображаю тяжело. Девочки у меня не были. Вся эта история мне приснилась в бреду. Не могу писать.

Послесловие издателя

Я застал его довольно слабым и безразличным. Передвигался он с трудом, говорил медленно и несвязно, от былой удали ничего не осталось. Попросил меня прочитать ему с компьютера весь текст записок, связанных с его увлечением девушками. В нескольких местах тихонько сжимал мою руку, и я замолкал. Слезы текли по его лицу. Понимая, что слова мои бесполезны, я молчал. Он кивал, и я продолжал чтение.

Последний абзац он набрал сам, попросил сбросить текст на дискету и забрать с собой. Предисловие, напечатанное в начале, оказывается, им написано еще до болезни. Судя по стилю последнего текста, мозг ему отказал в услугах.

После его смерти нашел в столе и на полках несколько машинописных текстов и рукописей, о которых слышал от него, но не читал. Мы хотя и считались товарищами, но крепко спорили. Покойный не любил партию и советскую власть, они ему платили той же монетой, но больше: его не издавали. В пьяном застолье он говорил: «Я пишу только то, что чувствую, а вы то, что видите. Издают вас, а читать будут меня».

Работаю с этими записками и понимаю, что где-то он был прав...

2004

Черемухи цвет

Мне рассказал эту незатейливую на первый взгляд историю, но полную загадочных совпадений и немислимых поворотов сюжета, пожилой уже журналист, с которым мы оказались в одном доме отдыха в сезон, надо сказать, не самый лучший. Была зима, сильные февральские морозы со свойственными такой поре ветрами, не выпускали отдыхающих в сосновый бор, который был единственной достопримечательностью этих мест. Мы заехали в один день, сразу сошлись, разница в возрасте как-то сама собой потерялась, потому что сосед мой оказался человеком довольно общительным и эмоциональным. Когда я узнал его профессию, все стало понятно: нельзя людям его дела быть равнодушными и флегматичными, такие не могут заинтересовать меня своим скучным изложением увиденного, а переживаний у них не бывает по определению.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.